

Трибуна молодого журналиста

№2(32)
Февраль
2002

Приложение к газете Московской консерватории «Российский музыкант»

В КРУГОВЕРТИ ВРЕМЕН ГОДА

Мы начинаем второй семестр. Наступивший год с его выразительной симметрией цифр уже давно шествует по земле. Позади не только Рождество и Крещение, не только Татьянин день – праздник российского студенчества, открывающий зимние каникулы, но, похоже, и сама зима-зима. А она в этот раз разгулялась не на шутку, засыпав снегом не только привычную ко всему России, но и всю Европу. Впрочем, в нынешнем году все это было так рано и уже так давно, что почти забылось. На дворе не по времени тепло, что невольно заставляет мечтать о будущем лете. И еще возможно похолодание ничего не меняет.

Однако художественные впечатления наших авторов напоминают скорее об ушедшей осени. Она как всегда была богата музыкальными событиями, с некоторыми из которых мы, наконец, имеем возможность познакомить нашего читателя. Рецензирование новой музыки для музыкальной критики, пожалуй, наиболее сложная профессиональная задача. Как обычно, в столице весь ноябрь занимает международный фестиваль «Московская осень», и естественным явилось уже традиционное стремление по возможности не обойти его своим вниманием. А «Декабрьские вечера» – высокий праздник исполнительства – в этом сезоне подготовили долгожданную встречу с Евгением Кисиним, который к удовольствию слушателей выступил и в Большом зале Консерватории... Звуки музыки и ранняя оттепель – во всем этом ощутимо предчувствие весны...

**Профессор
Т.А. Курышева,
художественный
руководитель «Трибуны».**

ЕВГЕНИЙ КИСИН – НАДЕЖДА ПУБЛИКИ

О Жене Кисине говорили: чудо природы, гениальный ребенок, вундеркинд... Говорят, уже в два года он начал петь мелодии, где-то услышанные, в четыре не отходил от рояля, в шесть его привели в музыкальную школу, а двенадцать он сыграл два концерта Шопена, да так, что многие до сих пор помнят это исполнение. Обладатель премий «Золотой диапазон» (за Первый концерт Шостаковича) «Грэмми» (как лучший пианист года) и многих других, он выступал с ведущими оркестрами Нью-Йорка и Чикаго, Филадельфии и Берлина, Вены и Амстердама, Лондона и Токио, играл с Гербертом фон Караяном. В России Кисин – нечастый гость. Из-за проблем с «родной» армией, пианист довольно долго не появлялся на Родине. Только в 1997 году, когда миновала угроза «попасть под ружье», он приехал для получения премии «Триумф» и дал в Петербурге концерт. В этом году он опять прибыл в Москву, и 14 декабря состоялся его сольный концерт в БЗК.

Конечно, интерес к такому выступлению был огромен, хотя в отличие от многих других концертов, этот не был широко разрекламирован: ни объявлений по радио и телевидению, ни слова в

газетах. Даже афиша с программой концерта была долгое время тщательно «замаскирована» и спрятана в дальнем углу касс зала, так, что ее нужно было «искать с фонарем». Кроме того, цены на билеты были просто запредельными. Нам были предложены прекрасные места в партере по цене 4000 р. за один (!) билет (это приблизительно равно 20 стипендиям). Или, на худой конец, «дешевенькие» – по 800 р. в 1-й амфитеатр. Билеты в любимый 2-й амфитеатр чудесным образом испарились, якобы разошлись по детским музыкаль-

ным школам (перед концертом их с удовольствием продавали совсем не юные создания, имеющие «самое непосредственное» отношение к ДМШ). Все это помешало многим людям, действительно любящим и понимающим музыку, попасть на концерт. Нам, студентам Консерватории, повезло. На концерт мы попали «просто так».

Программа почти целиком состояла из романтической музыки. В первом отделении прозвучали ноктюрны Шопена и «Карнавал» Шумана, во втором – f-moll'ная соната Брамса и ог-

ромное количество блестящих бисов. Концерт прошел с огромным успехом. Полчасовые нескончаемые овации не давали пианисту возможность покинуть сцену. Исполнение Кисина отличалось высочайшим уровнем профессионализма. Блестящая отточность и продуманность каждой фразы, тонкая детализированность и мастерство, мягкость звука, техническое совершенство, необыкновенная легкость. Особенно удачно, на мой взгляд, прозвучала соната Брамса, где исполнителю удалось найти совершенно особенные звуковые краски, столь необходимые для этого сочинения – глубокие, сочные. В одном из своих интервью Евгений сказал, что обязан всем, что он умеет делать на рояле, своему единственному педагогу – Анне Павловне Кантор. Мне кажется, что любой учитель мечтал бы иметь такого талантливого и преданного ученика.

По отношению к Кисину уже сейчас употребляют эпитет «гениальный». Очень тяжелый и ответственный «груз» для молодого музыканта, которому предстоит еще очень много сделать дабы оправдать надежды публики.

**Нина Свиридовская,
студентка III курса**

КИСИН И МУЗЫКА

С тех пор прошло много времени. Он вырос, укрепил свое мастерство, стал известным концертующим и гастролирующим пианистом. Приезжал Кисин и в Москву – публика ему рукоплескала, а журналисты вели серьезные беседы.

В том же состоянии эйфории (иначе не назывешь) пребывали слушатели и на этот раз (концерт состоялся 14 декабря). Каждое исполненное пианистом произведение вызвало бурю эмоций и гром аплодисментов переполненного зала. Кажется, что бы пианист ни сыграл, реакция была бы одинаково безумной. Я вошла в зал, когда концерт уже длился, видимо, 5-10 минут. Звучал Ре-бемоль-мажорный нок-

тюрн Шопена. Хоть я стояла у двери, ведущей во второй амфитеатр, божественные звуки идеальной музыки коснулись и моего сердца. Когда Кисин играл «Карнавал» Шумана, я уже сидела в зале и могла даже видеть исполнителя. Пианист был на высоте. Мягкое туше, вдохновенная простота, слышание каждого голоса и великолепная техника – все эти достоинства соединились и заставили душу трепетать неземной радостью.

Во втором отделении была Третья фортепианная соната Брамса. Каково же было мое недоумение, когда я перестала слышать то, что называется Музыкой в самом высоком смысле. Здесь была и техника и, где необ-

ходимо, мягкость, и тонкая лирика, и драматизм, но не было чего-то более высокого, а именно вышеупомянутой вдохновенной простоты. Тем не менее и этот «вариант» более чем удовлетворил публику, да так, что в конце все поднялись со своих мест и продолжили аплодировать стоя.

На бис Кисин играл довольно много и примерно в том же духе. Хотя не могу не отметить увертюру Мендельсона «Сон в летнюю ночь» в рахманиновской транскрипции для фортепиано. Она прозвучала очень легко, на одном дыхании. Думаю, что этот концерт можно считать классическим примером осуществления известной формулы – «начала ты работаешь на имя, потом имя работает на тебя».

**Юлия Шмелькина,
студентка III курса**

ЗАМОРСКИЙ ГОСТЬ

шанс – пройти по счастливому студенческому билету. Публика в зале была разношерстной. В партере сидели богатенькие толстосумы, а на балконе нависали гроздьями студенты, замирая от одного только предчувствия настоящей музыки.

Автор этих строк слушал Шопена, стоя в дверях самой высокой колокольни Большого зала. Но уже на шумановский «Карнавал» удалось урвать сво-

бодное местечко и вдоволь насладиться игрой пианиста. Наверное, исполнение этого сочинения стало одним из наиболее удачных. К большому сожалению, фа-минорная Соната Брамса не отличалась совершенством исполнения (как-то не по-брамсовски она звучала). Но особой удачей всей программы были тщательнейшим образом подобранные бисы. Публику привело в восторг Скерцо из

«Сна в летнюю ночь» Мендельсона в обработке Рахманинова. Какое изящество, какая легкость и воздушность! Образ прекрасно удался пианисту. Не могу сказать, что это был концерт, за которым тянется особый шлейф восторженного воспоминания. Но оспаривать виртуозные возможности молодого исполнителя не возьмусь. Вот так на нашем небосклоне снова промелькнула звезда Евгения Кисина.

**Татьяна Суцня,
студентка III курса**

ПОЛЕТ ФАНТАЗИИ

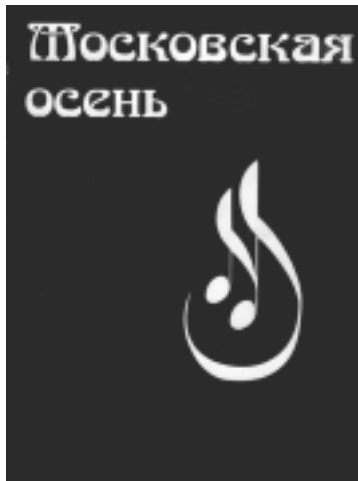
У каждого человека есть особенно им любимое место времяпрепровождения. Наиболее «активные» из нас не покидают уютных стен родного дома, а иные, отринув все устоявшиеся традиции, отправляются в глухой непроходимый лес встречать новогоднюю ночь с рюкзаком и лыжами. Что же касается отряда homo musicus, то, более всего предпочитая эстетическое наслаждение гармонией звуков, они проводят значительную часть своей земной жизни в храмах искусства. Одни по причине непосредственного участия в концерте, другие — из-за потребности послушать первых. Авторы этой статьи в надежде совместить атмосферу домашнего уюта с энергетикой живого исполнения отправились в самое подходящее, по их мнению, место — Дом композиторов.

23 ноября («Из класса мы вышли — был сильный мороз!») в рамках XXIII Международного фестиваля современной музыки «Московская осень 2001» состоялся концерт с интригующим названием «этно-джаз-рок». Музыкальный перформанс, представленный ведущим джазовым журналистом Михаилом Метропольским как «вечер импровизации и неожиданностей», в полной мере себя оправдал.

Первой «неожиданностью» (очевидно, не предусмотренной организаторами концерта) стала абсолютная идентичность температуры в Доме и вне его. Так что к концу вечера в зале остались лишь самые морозоустойчивые любители «горячего» джаза, намертво примерзшие к

креслу (согласитесь, с домашним уютом это не совместимо). Среди них были и мы, как оказалось, не напрасно. Вечер действительно оказался интересным и увлекательным. Сюрпризом для публики стал уже выход исполнителей. С чашкой горячего кофе на сцене появилась композитор и вокалистка **Татьяна Михеева**; вслед за увальнем в рубахе (дирижер **Андрей Рейн**) и другими экстравагантными участниками вышел автор — композитор **Андрей Зеленский**. Однако оба исполненные его произведения («*Метаморфозы*» и «*Рэгтайм на 31 декабря*») привели нас в недоумение, поскольку мало соответствовали как духу джазовой импровизации, так и теме концерта («этно-джаз-рок»). В результате тщательно подготовленная «импровизация» оставила впечатление болезненной метаморфозы некоего идеала джаза.

Совсем иначе выглядели композиции Татьяны Михеевой «*Утренняя горная музыка*» и «*Граве-блюз*». Интригующий сплав этно, джаза и рока оказался на редкость удачным. Здесь было все: оригинальное претворение фольклорных элементов (аллюзии на звонкие переключки горцев в «Утренней горной музыке» и имитация ярко выраженной среднерусской традиции в «Граве-блюзе»); зажигательные ритмы и свободный полет мелодий джаза, а также характерные черты рок-музыки (в «Граве-блюзе» ощущалось влияние афро-американского стиля «ритм-энд-блюз» с характерными для него признаками — наличием

ем ритмической секции, свободной по форме композиции...).

Высокая степень импровизационности обоих сочинений представляла солистам богатейшие возможности для демонстрации виртуозного мастерства. Одна лишь артистичная импровизация ударника (**Владимир Кулешов**) привела в восторг весь зал! Впрочем, чрезмерная увлеченность исполнителей свободой музыкальной мысли то и дело грозила разрушить целостное восприятие произведения, поскольку при всей виртуозности солистов все же не создало впечатления сплоченного и слаженного ансамбля. Поэтому, прослушав концерт и вспомнив замечательных мастеров джаза, мы пришли к твердому убеждению, что импровизация хороша лишь тогда, когда она хорошо подготовлена. А этого-то, на наш взгляд, и не доставало. Хотя в целом, по меркам замороженного сознания слушателей, концерт оставил самые теплые воспоминания.

*София Караванская,
Ирина Тушинцева,
студентки III курса*

ВИРТУАЛЬНАЯ МУЗЫКА ИЛИ «ЗАГОВОР БЕЗЗВУЧНОСТИ»?!

Фонотека. Казалось бы, что может быть более необходимым для обитателей консерватории, чем это заведение. Но тот, кто хоть раз пытался попасть туда, хорошо знает, какими «нервными потрясениями» грозит этот опыт. Наверное, уже ни в одной стране мира не практикуют подобных архаических методов, как ни в одной стране мира не встретишь таких антикварных аппаратов доисторической эпохи. Во-первых, для того, чтобы попасть в фонотеку, нужно за неделю «вписаться» в рамки весьма ограниченного временного и «географического» пространства. Для «прослушки» имеется всего две комнатки, причем одна из них прямо-таки как в сказке — «без окон» и почти без дверей, а звуки, доносящиеся из соседней каморки, иногда превышают звуковой поток собственно «вашей» территории. При скудных ресурсах свободного времени скорректировать свой график в соответствии с уже сложившимся без вашего участия временем общественного бывает не просто сложно, но и невозможно.

Во-вторых, если вам все же удалось попасть в стены фонотеки, то вас можно поздравить — это большая удача. Но не думайте, что на этом все преграды закончились. Все нет! Теперь вы будете постоянно думать о том, как получить максимальное удовольствие, дополнив слуховой ряд зрительным. То есть решать следующий вопрос: как добыть ноты из читального зала или классного абонемент?

С этого момента начинается прямо-таки детектив. Вымаливая со слезами клавиш или партитуру, вы в лучшем случае выносите ее с разрешением, в худшем (здесь вам не позавидуешь) — уповаете на свои конспираторские способности (а иначе — штраф, что для студенческого кошелька губительно). Но и после этих мучений никто не гарантирует вам спокойное прослушивание. Возможен и такой вариант: Вы пре-

дусмотрительно честно записались на определенное время, пришли с добытыми сложным путем нотами, а вам сообщают, что сейчас все аппараты заняты, так как они необходимы и для лекционных прослушиваний. Ну что ж — ничего не поделаешь, не солоно хлебавши, придется по-нурно ташиться в читальный зал и продолжать изучать какую-то «виртуальную» музыку.

В этой связи вспомним высказывание одного достаточно авторитетного лица, а именно И. Стравинского: «Теперь, когда среди произведений г-на Кейджа наибольшим успехом бесспорно пользуется восхитительная пьеса „4'33"“, можно ожидать появления все новых и новых беззвучных произведений молодых композиторов, которые будут стремительно производить на свет свои беззвучности во все большем количестве и в самых разнообразных пленительных комбинациях <...> Впрочем, мы скоро погрузимся в академизм беззвучности — с беззвучными концертами и беззвучными фестивалями современной музыки. Печально, говорю я, печально...» [«Стравинский. Публицист и собеседник», с.221]. Увы, И.Стравинский и не предполагал, что «академизм беззвучности» может распространиться на музыку абсолютно всех композиторов, вне зависимости от ее «звучности». Действительно «печально...»

Собственно, весь пафос нашего послания можно свести к одной простой мысли: очень хочется не только смотреть музыку (что, конечно, развивает внутренний слух), но и слушать. Выход есть. Усовершенствовать систему можно легко и, главное, быстро, поставив несколько нехитрых технических приспособлений с наушниками прямо в читальном зале. Вот только услышат ли нас вышестоящие инстанции?

*Татьяна Суцень,
Оксана Приступлюк,
студентки III курса*

СЛУЧАЙНО ПОПАВ НА КОНЦЕРТ

Так получилось, что на один из концертов фестиваля «Московская осень» я попала не из интереса к современной музыке, а по случайному приглашению знакомого кларнетиста, участвовавшего в исполнении одного из произведений. Он сказал, что помимо него задействованы еще 4 человека, среди которых сам **Марк Пекарский**. Услышав это имя, я не задумываясь пошла на концерт в Дом Композиторов.

Концерт был составлен из произведений, созданных примерно в одно время (1998-2001), но так, что в первом отделении прозвучала музыка композиторов молодого поколения, а во втором — поколения старшего. Порядок следующих друг за другом номеров напоминал организацию отчетных концертов в детской музыкальной школе. Там открывают концерт самые маленькие артисты, радующие, скорее, своим внешним видом, нежели особой глубиной исполнения. А в заключение играют самые старшие — их слушают и оценивают уже как настоящих исполнителей. Так и здесь. Первое отделение лишь ответило на вопрос, какую музыку пишут сегодня молодые

композиторы, в чьих руках будущее искусства. Во втором звучала музыка настоящая, о которой можно серьезно рассуждать и которую можно оценивать, исходя из высоких критериев. Вот об этом скажу подробнее.

Было исполнено три сочинения: *Росо а росо* для виолончели с оркестром **Л.Бобылева**; «Чевенгур» для сопрано и ансамбля **В.Тарнопольского** и «*Merry music for very nice people*» для ансамбля из пяти человек **Н.Корндорфа**. Сочинение В.Бобылева нельзя назвать новаторством или открытием. Это — просто хорошая музыка, написанная с завидным чувством формы и гармонии, причем довольно ясной. Пожалуй, кульминацией концерта — динамической и художественной — стало произведение В.Тарнопольского «Чевенгур» на тексты А.Платонова. Оно принадлежит к числу сочинений, где ценна, осмысленна и работает на пользу целостного впечатления любая малейшая деталь. Слова являются не только носителями смысла, но, расчленившись на отдельные буквосочетания, становятся важным фоническим компонентом. Отсюда и сложность исполнения,

закрывающаяся, прежде всего, в партии солирующего голоса, которую с большим мастерством и артистизмом исполнила **Светлана Савенко**. Своеобразным десертом и одновременно предметом для глубокого размышления стал последний номер «Веселая музыка для замечательных людей» — произведение недавно скончавшегося **Н.Корндорфа**. Это была действительно веселая музыка в духе минимализма, предполагающая, как ни странно, свободное театральное воплощение. Каждый из пяти исполнителей (фортепиано, кларнет, скрипка, контрабас и ударные) по своему наигрывал простейший мотив, сопровождая это занятие остроумными комментариями и шутками. Исполнение оказалось бы просто забавным, если бы не трагедия — недавняя смерть композитора, заставившая многих воспринимать музыку сквозь призму печали. В организации театральной стороны главная заслуга принадлежала Марку Пекарскому с его неутомимой и смелой фантазией. Его сценическое «хулиганство» привело публику в безумный восторг.

*Юлия Шмелькина,
студентка III курса*

СОБЛАЗН

В октябре прошлого года Детская Музыкальная школа № 53 праздновала свое тридцатилетие. Когда мне предложили принять участие в торжестве, я сразу подумала: а не сыграть ли что-нибудь из так называемой «современной» музыки, например Гавот и Мюзет из сюиты ор. 25 Шенберга. Елена Анатольевна (мой педагог по фортепиано) всячески меня отговаривала, но соблазн был слишком велик. Я, конечно, понимала, что публика теперь уже не та, и свиста и шиканья от нее ожидать не приходится, однако, мне было интересно, какое впечатление произведет подобная музыка на необремененные теоретическими премудростями умы и уши. А именно в этот вечер в зале собралась самая разнообразная публика — официальные гости школы, участники концерта, их педагоги, выпускники школы и, конечно же, волну-

ющиеся родители. Когда начали объявлять — «Шенберг.. исполняет...», — мелькнуло: сейчас они решат, что я просто забыла выучить эти пьесы наизусть. Когда все было кончено, признаться, я была несколько разочарована и обрадована одновременно: публика прослушала Шенберга абсолютно спокойно, и даже, как мне показалось, с интересом. Еще бы! Такая «странная» и «необычная» музыка нечасто раздается в стенах музыкальной школы.

Возможно, когда-нибудь современная музыка будет восприниматься как нечто совершенно естественное, особенно если ее изучение войдет в обязательную программу ДМШ. Однако, очевидно, что никогда она не завоеует такой всенародной любви, как произведения Моцарта, Баха, Шуберта, Чайковского, Рахманинова, составившие основу концертной программы.

*Ю.Л.А.,
студентка III курса*